

Переводчик: Семен Иванович Шуртаков

Книга: Чувашские легенды и сказки

Сказка: Разборчивая невеста

Везли на продажу воз кукол. Одна кукла упала с воза на дорогу, потом встала да и пошла себе куда глаза глядят. Беленькое платьице на кукле ветерком колышет, серебряная тухья на голове позванивает, новенькие лапоточки поскрипывают.

Повстречался кукле воробушек.

– Куда путь держишь, подруженька? – спрашивает воробей.

– Замуж собралась, жениха искать иду, – отвечает кукла.

– А чем я не жених? – говорит воробей. – Иди за меня.

– Что ж, может, и пойду. Только ты сперва покажи, как поешь-пляшешь.

Воробей растопорчил свои перышки, начал прыгать и петь: «Чилик! Чилик!»

– А теперь скажи, какое твое житье-бытье? – спрашивает кукла.

– Попадется зернышко – поклюю, не попадется – в мякине пошевыряюсь, а мясца захочется – букашек поищу.

Кукла подумала-подумала да и говорит:

– Нет, воробей, не пойду я за тебя замуж. Песни твои короткие и скучные, а в мякине платье мое запылится.

Обиделся на такие речи воробей, вспорхнул и улетел. А кукла пошла своей дорогой.

Попадается ей навстречу ворон, спрашивает:

– Далеко ли, куколка, идешь?

– Иду жениха искать, – отвечает кукла.

– А не могу ли я быть твоим женихом? – спрашивает ворон.

– Сначала покажи, как поешь-пляшешь, да скажи, какое у тебя житье-бытье, тогда и посмотрим, какой из тебя жених.

– Карр, карр! – прокаркал ворон да на одном месте попрыгал – вот и вся его песня и пляска. А житье у меня такое: где что попадется – полакомлюсь, не попадется – в навозе поковыряюсь.

Кукла опять подумала и говорит:

– Нет, ворон, не пойду за тебя. Песни твои грубые, пляски некрасивые, а в навозе ковыряться – свои новые лапоточки загрязню.

Ничего не сказал на это ворон, поднялся и улетел. А кукла дальше пошла. Идет-идет – навстречу ей мышонок показался.

– Куда путь держишь, красавица? – спрашивает мышонок.

– Жениха ищу, – отвечает кукла.

– Может, я гожусь в женихи?

– А это мы сейчас посмотрим. Покажи, как ты поешь-пляшешь, да скажи, какое у тебя житье-бытье.

– Пи-пи, чикки-чикки, пи-пи, – запищал мышонок тоненьким голоском, будто на скрипке заиграл. А потом покрутился, повертелся на своих тоненьких ножках перед куклой – танец станцевал.

Кукла слушает да на танцующего мышонка глядит: и песни, и танцы ей нравятся.

Остановился мышонок, стал о своем житье-бытье рассказывать:

– Пи-пи! Житье у меня – надо бы лучше, да некуда. Хлеба – полные крома, масла и меда – непчатые кадушки. Чего душа желает, то и ем; одна нога в меду, другая в масле. А живу в амбаре, под сусеком – и сытно, и чистенько. Увидишь – залюбуешься!

Понравились привередливой кукле речи мышонка.

– Что ж, – говорит, – пожалуй, выйду за тебя замуж.

Пошли они под ручку в мышиный дом и затеяли свадьбу. Назвал мышонок полный дом родни да знакомых. Кого только тут не было: и крот в бархатном пальто, и суслик в коричневой шубке, и мыши с мышатами в серых платицах – все сидят за свадебным столом, пьют, едят, веселятся. А мышонок с куклой выставили свои запасы на стол и гостей потчуют:

– Кушайте, гости дорогие, угощайтесь!

Наелись гости, напились, захмелели. Ну, а захмелев, и в пляс пустились: только пыль столбом.

Наплясались, приустали, закричали хором:

– Молодую просим!

Поднялась кукла из-за стола, платице свое поправила, охорошилась и пошла в пляс. Да так плавно плясала, что серебро на голове лишь чуть-чуть позванивало.

Гости глядят во все глаза на плясунью, в ладоши хлопают, похваляют. А кукла от тех похвал еще пуще в азарт вошла: голову назад откинула, под ноги не смотрит, лапоточки сами ее по кругу несут. Под конец закружилась, закружилась невеста, и – бух! – в кадку с пивом угодила.

Вытащили ее из кадки, не дали захлебнуться, однако же платью на ней из белого желтым стало.

Залилась невеста горячими слезами и побежала на речку платью мыть-полоскать. Прибежала на берег, а место оказалось болотистым – в грязи завязла. Попыталась выбраться – еще глубже утонула. Глянула туда-сюда, нет ли кого поблизости, и увидела на ветле воробья, что ее сватал.

– Помоги, дружок воробей, выбраться, – попросила она своего знакомца. – Пришла платью полоскать да вот, видишь, в грязи завязла.

– Нет, куколка, – прочиликал воробей в ответ, – не могу я тебе помочь, боюсь, как бы мякиной пылью еще больше твое платью не загрязнить, – с тем и улетел прочь.

Все глубже вязнет в грязи кукла, поглядывает по сторонам – нет, никого не видно. И уж когда совсем отчаиваться начала, услышала: кто-то крыльями шумно машет, по-над речкой летит. Оглянулась – знакомый ворон.

– Карр! Карр! Что тут делаешь? – спрашивает ворон.

– Да вот в грязи увязла, никак не вылезу. Вытащи меня, – просит кукла.

– Вытащил бы я тебя, да боюсь навозом твое белое платьице еще больше замарать. Карр! Карр! – и тоже улетел.

Опять кукла осталась одна-одинешенька. Грязь ее уже по грудь засосала, а кругом, по-прежнему, ни души. Темнеть начало, еще страшней стало. И тут послышались пьяные голоса: должно быть, гости, мышонкины друзья да родня, по домам начали расходиться.

– На помощь! – что есть духу закричала кукла. – На помощь!

Хмельные гости подбежали, схватили куклу за ручку, дернули – оторвали по самое плечо, а не вытащили. Схватили за другую, опять изо всех сил дернули – и эту ручку оторвали. Потом – больше не за что! – все ухватились за голову, и так дружно стали тянуть да дергать, что и голову оторвали напрочь.

На том и кончается сказка о разборчивой невесте-кукле.

Все тексты взяты из открытых источников и выложены на сайте для не коммерческого использования. Все права на тексты принадлежат только их правообладателям.